

К ВОПРОСУ О СИБИРСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯХ М.М. СПЕРАНСКОГО И Г.С. БАТЕНЬКОВА: В ПОИСКАХ «ДОБРЫХ ЗАКОНОВ»

В статье на конкретном историческом материале прослеживаются особенности мировоззрения творцов сибирских реформ начала XIX в. Сопоставляются политические и философские взгляды «учителя» и «ученика», рассмотрены причины, обусловившие их сближение и плодотворное сотрудничество. Показан сложный поиск законодательных преобразований, необходимых Сибири

Огромный сибирский край, простирающийся на многие тысячи верст, с его неисчислимыми богатствами, безбрежными лесами и полноводными реками достался России, надо признать, сравнительно легко. Но благодущие по этому поводу, не успев окрепнуть, сменилось растерянностью: подчинить державной воле новые земли оказалось во многом проще, нежели управлять этой обширной территорией «на началах законности и порядка». Поиски верной, наиболее эффективной системы управления Сибирью показали со всей очевидностью и незнание края, который русские

люди присоединили к «коренным» своим землям, и отсутствие четко выраженной политической линии в отношении так называемых национальных окраин. «Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь, как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено прикащикам, более или менее честным, более или менее искусным, – писал Ф.Ф. Вигель. – Поместье всегда исправно платит оброк золотом и серебром, железом, мехами, а ей только и надобно; о нравственном и политическом состоянии его она мало

заботилась» [1. С. 196]. Но жизнь настойчиво требовала перемен. Политическая воля самодержавного правительства постоянно раскачивалась между двумя «убедительными» способами существования административной власти в Сибири: особенным, который учитывал бы местную специфику, и обычным, характерным для всех частей государства.

Необычайно остро, исследуя вопрос, почувствовал это Н.М. Ядринцев, который увидел, что усиление местной власти в Сибири неизбежно вело к произволу, а уменьшение ее прав, «подчинение хода дела отдаленным высшим инстанциям рождало замедление и неудобства для края». Возникало ощущение безысходности, безвыходности положения, когда «централизация здесь приводила к одним злоупотреблениям, а предоставление независимости власти начальникам на местах — к другим. Таков был давнишний сфинкс сибирской истории» [2. С. 513]. Ясное понимание всей сложности, противоречивости попыток государственного преобразования громадного самобытного края, погрязшего в произволе и злоупотреблениях, дает представление о трудности миссии, которая поручена была М.М. Сперанскому в 1819 г. Поскольку путь ко Двору и монаршей милости для него лежал через Сибирь, то и усилия для выполнения миссии опальный вельможа предпринял предельно возможные. За короткое время «почетной ссылкой» М.М. Сперанский успел совершить столько, сколько до него не делали для Сибири все царские наместники, вместе взятые. Хотя кроме ревизии и поддержания порядка в трех крупнейших губерниях надлежало «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края, и сделав оному начертание на бумаге, привезти... в Петербург, дабы... прочным образом установить на предбудущие времена его благосостояние» [3. С. 175]. Задача, казалось бы, непосильная, тем более что и опереться при ее решении новому генерал-губернатору было решительно не на кого. «Я не могу даже составить своей канцелярии, — жаловался он в письме князю А.Н. Голицыну, — и должен довольствоваться тем, что поступило ко мне от моего предместника» [3. С. 209].

И все же работа была завершена, получила высокую оценку членов Государственного совета, а многие положения Сибирской реформы 1822 г. не потеряли актуальности, оставаясь, можно сказать, в неизменном состоянии при последующих государственных преобразованиях еще сотню лет. Уже одно это заставляет пристальнее взглянуть в сами «установления», которые выработаны были под началом М.М. Сперанского, и задуматься о роли тех, кто имел к ним самое непосредственное отношение. Канцелярия наместника состояла первоначально из четырех отделений, а затем, после отъезда «не очень грамотного, но сметливого и бойкого на словах» М.Ф. Молчанова, сократилась до трех. Во главе отделений стояли равнодушный и немощный И.И. Шкларевский, «бойкий, но полагавший целью жизни сладострастие... сомнительной честности» Н.В. Крестников, «начитанный, но подверженный запоем и суеверный почти до помешательства» Ф.И. Шульгин, а также Н.В. Жуковский, один из всех заслуживший репутацию чиновника «честного, доброго, рассудительного и заботливого» [3. С. 210], ставший впоследствии сенатором. Канцелярия вела делопроизводство, составляла официальные

бумаги, но к делам реформирования края касательства почти не имела. Задачу эту М.М. Сперанский возложил на чиновников, которым он, безусловно, доверял и которым мог поручить дела куда более сложные, чем составление бумаг. В свиту генерал-губернатора входили чиновники Цейер, Вейкарт, Репинский, Вильде — «молодые люди не опытные, не деловые, но усердные» [4. С. 132], доктор Альберт и инженер-капитан Батеньков.

При этом «настоящими сотрудниками» сибирского реформатора, по мнению В. Вагина, были лишь двое — Франц Иванович Цейер и Гаврила Степанович Батеньков. Впрочем, Цейер, добавлял известный историограф, «был человек весьма обыкновенный», очень верный и исполнительный, но со способностями, которые «едва ли могли принести пользу» [4. С. 133]. Зато выдающимися способностями, бесспорно, обладал инженер Корпуса путей сообщения Г.С. Батеньков, перу которого, считал М. Корф, принадлежат шесть из десяти законопроектов, вошедших в «Сибирское учреждение». Это тем более удивительно, что Г.С. Батеньков совсем не имел юридического образования и сложную науку правоведения постигал «на ходу», буквально в походных условиях, набираясь знаний у своего умудренного сиятельного покровителя. Но отношения между учителем и учеником довольно скоро и неожиданно для многих перешли в новую плоскость, что позволило говорить об удивительном творческом союзе наделенного большими полномочиями вельможи и мало кому известного инженера, коих разделяли и общественное положение, и возраст: к моменту приезда в Сибирь 47-летний наместник государя был чуть ли не вдвое старше своего одаренного, но не успевшего о себе широко заявить сотрудника. На чем же основан был этот плодотворный и своеобразный альянс, длившийся несколько лет сначала в Сибири, а затем в Санкт-Петербурге, куда М.М. Сперанский взял с собой молодого инженера по окончании «сибирского путешествия»? Вопрос, надо сказать, не простой, но позволяющий полнее осознать, быть может, не столько глубину сибирских преобразований, рожденных под знаком такого союза, сколько особенность личности того и другого реформатора и то, что каждый из них привнес в сибирские «прочные установления».

За год до встречи, в корне изменившей его жизнь, Г.С. Батеньков писал из Тобольска задушевному другу, «любезному Алексею Андреевичу», что желал бы обсуждать с ним некие важные «предметы». Например, о власти законов: «Следуя обычаям времени и страны своей и исполняя во всей точности, без прекословий и умствования, уставы их, человек бывает благополучен, а следовательно, ближе к праву называться мудрым» [5. С. 91].

Мысль, конечно, далеко не оригинальна, но высказана она была в то время, когда молодой идеалист с «галиматейной философией» на уме наблюдал обратное: именно несоблюдение законов везде, особенно в Сибири, обеспечивало человеку благополучие и право называться мудрым. Жить с такими мыслями было тяжело, действительность влекла «горе от ума» и одиночество. То же самое на другом, разумеется, уровне испытывал человек, желавший покончить с беззаконием и лихоимством, уравнивать в ответственности перед законом сословия, добиться существования выборных органов и ограничить рамками конституции самодержавное правление. И хотя принято считать, что осно-

ванием для щедрой милости М.М. Сперанского в отношении безвестного инженера послужила записка о состоянии сибирских путей сообщения, более важную роль сыграло, конечно же, сходное умонастроение, «созвучие идей», духовная близость того и другого.

Мысль о превосходстве закона над волей отдельного человека, включая монарха, Г.С. Батеньков вынес из военного похода, находя подтверждение в учении просвещенных западных гуманистов. М.М. Сперанский тоже побывал в Европе и «доказывая необходимость ограничения самодержавия в интересах расширения политической и личной свободы», тоже «апеллировал к естественному праву, нравственности и просвещению» [6. С. 68]. Хотя один больше рассуждал о силе нравственности, а другой заботился, в первую очередь, о силе права, которое бы защищало собственность и его владельца, о порядке и «разумном» политическом строе. При этом сами идеи Просвещения, идеи гуманизма и гражданского права, волновали их одинаково, заставляя искать ответы на мучительные вопросы российского бытия и подталкивая к делу поступку. Правда, то обстоятельство, что М.М. Сперанский «обладал большими познаниями в области истории и философии», с интересом «читал Декарта, Локка, Лейбница, Канта, Шеллинга, Фихте» [6. С. 68], тогда как молодой Г.С. Батеньков «с головой» погружался в их философию, вызывая насмешки однополчан, свидетельствует лишь о чрезвычайной популярности этих идей во всех слоях образованной, передовой части общества. Но там, где аналогии применительно к другим завершаются, в отношении соавторов Сибирской реформы они только, в общем-то, начинаются. Пересечений в судьбах и взглядах тут много.

Начать с того, что оба, достигнув немалых высот и занимая видное служебное положение, происходили не из аристократических семей. Один был сыном священника, другой родился в семье беспоместного дворянина: отец Г.С. Батенькова «был обер-офицером и очень небогатым, чтоб не сказать бедным, человеком», а по материнской линии будущий декабрист «уходил родственными связями в среду городского мещанства, переплетавшегося браками и с духовенством, и с мелким чиновничеством» [7. С. 56–57]. Не имея ни имени, ни влиятельных родовитых родственников, оба вынуждены были устраивать жизнь, рассчитывая только на собственные силы, ум и способности. Судьба М.М. Сперанского, мы знаем, стала классическим примером «безродного величия», основанного на выдающихся личных качествах. Но и сибиряк Г.С. Батеньков сделал свою блистательную карьеру исключительно благодаря неординарным способностям, глубокому уму и образованию, коему обязан был самому себе. Еще М. Довнар-Запольский в начале прошлого века, уважительно отзываясь об образе мыслей Г.С. Батенькова, указывал на его способность кратко, емко, образно и доказательно дать характеристику любому явлению [8. С. 123]. Само время давало возможность взойти на поверхность общественной жизни людям ярким, деятельным, богато одаренным. Нельзя не согласиться, что люди той эпохи «при всем разнообразии натур уже отмечены были одной общей чертой – нацеленностью на индивидуальный жизненный путь, реализуемый за счет личного поведения» [9. С. 288].

Глубоко роднит двух общественных деятелей и другое: совершенно искреннее, обусловленное воспитанием и влиянием жизненных обстоятельств религиозное чувство. Набожность Г.С. Батенькова, принимавшая в детские годы крайние формы, и «вдумчивая» христианская вера М.М. Сперанского накладывали отпечаток на характер и образ мыслей того и другого. Религиозные настроения первого, благодаря выпавшим на его долю жестоким испытаниям, претерпели существенные изменения, а «тихое благочестие» второго оставалось практически неизменным на протяжении всей его жизни. Ф.М. Дмитриев, отмечая религиозность советника Александра I, добавлял: «В этом направлении он был искренен, хотя по свойству его мягкой природы религия развила в нем одно незлобие и не могла дать твердости характеру» [10. С. 443], чего не скажешь о Г.С. Батенькове. Зато следствием благочестия стала особая терпимость к людям – свойство, которое современники отмечали у того и другого. Ясное осознание слабости человеческой природы, нуждавшейся в поддержке высших сил, «доходило у Сперанского до того, – продолжал Ф.М. Дмитриев, – что о злейших своих врагах он говорил спокойно: “какие чудачки” или “безумные люди”: его... постоянное желание блага внушало тем, кто его окружал, какое-то благоговение» [10. С. 443]. Терпимость Г.С. Батенькова была того же примерно свойства, и желание блага не только добрым друзьям, но и людям дурным, «безумным» в непонимании воли Творца, в той же мере руководило его поступками. Это человеколюбивое стремление привело их к масонству, которое предписывало «любить своего брата» и желать ему добра. Причем их масонский мистицизм вполне уживался с образованностью, поскольку «в масонской идеологии существовали мистические и рациональные формы, подчас переплетающиеся и дополняющие одна другую» [11. С. 130]. В основе масонской концепции мира лежала идея всеобщего братства, подлинного равенства, основанного на взглядах, которое бы «делало братьями вельмож и простых людей... сближая их друг с другом, не смешивая ни имущества, ни сословия» [12. С. 31]. Эта идея, согласуясь с пониманием важности гражданских прав, оказалась близка многим участникам тайных обществ, а творцов сибирских реформ прямо подвигала к активным и незамедлительным преобразованиям. Сибири нужны были такие люди, желавшие блага, – люди умные, деятельные, образованные, готовые к бескорыстному, честному труду. Сибирь нуждалась в них необычайно остро, но почти не имела. Не случайно и добрые намерения благочестивого генерал-губернатора, и законодательные его установления не нашли у сибиряков поддержки, остались непонятыми. «Добрые нововведения» М.М. Сперанского те, на кого они были направлены, сочли странной причудой. Иркутяне нашли в них вольнодумство, а оно «было чуждо городу весьма с малым исключением двух, трех человек, которых знал весь город и считал за помешавшихся» [13. С. 196]. Не находя созвучия своим взглядам, сталкиваясь с непониманием, оставаясь без поддержки, оба реформатора испытывали – каждый в своем кругу – острое чувство одиночества, что видно из писем. Исследователи не раз отмечали, что М.М. Сперанский был человек «чуждый придворной и высшей чиновничьей сфере, он был в ней выскочка, тем более ненавистный, что и не хотел

сближаться с нею» [14. С. 144], а Г.С. Батеньков, в свою очередь, был чужд в своем окружении. Работая инженером в Томске, он испытал подлость, интриги, злословие, несправедливость, что привело к конфликту с губернской администрацией.

Однако его независимость, чувство собственного достоинства увидел и оценил сановный «ревизор», когда прибыл в Сибирь водворять порядок, что понималось им как исправление зла. А поскольку, «обнаружив зло, должно представить и способы к его исправлению», поскольку «Сибирь достойна и по всем отношениям требовала государственных отображений» [3. С. 210], коренные преобразования были неизбежны. Они должны были не просто устранить зло, а «истребить его в корне». Вот почему М.М. Сперанский, слабо знавший особенности сибирских условий, нуждался не просто в порядочном и честном помощнике, а в человеке, который хорошо разбирался в местных традициях. Ему нужен был человек, хорошо знавший Сибирь, желавший ей блага и способный к поступку. Со своей стороны и Г.С. Батеньков, самостоятельно придя к мысли о «коренном» истреблении зла, испытывал необходимость во влиятельной поддержке. Содружество их не стало следствием «слепых» обстоятельств - оно диктовалось глубоко понимаемыми общественными интересами. Оно было закономерным. Хотя можно согласиться, что «учитель», решая государственные задачи, не упускал из вида свой интерес, как убеждает Н.М. Ядринцев, а «ученик», помогая ему в преобразованиях, исходил из возможности делом доказать ту решимость к улучшению сибирской жизни, о которой он не раз сообщал в письмах другу. Вообще, понимание Сибири и отношение к ней, особенно на первом этапе совместной работы, имело у них видимые различия.

Широко известно предубеждение М.М. Сперанского, с которым он прибыл в Сибирь и которое сквозило в содержательной переписке с дочерью. Вся ревизорская и административная его работа в крае оказалась связана во многом с преодолением этой предубежденности. Сибиряк Г.С. Батеньков в этом отношении оставался натурой последовательной, его взгляд на родной край и его жителей больших изменений не претерпевал, а мысль расстаться с Сибирью была ему мучительна. «Привязанность к той стороне, где, кажется, сама природа бросает только крошки безмерного своего достояния, где живут – в казнь за преступление... вам непонятна», – писал он А.А. Елагину. И прибавлял: «Служить в Сибири я никому не желаю, но жить в ней согласен до последнего издыхания» [5. С. 85–86]. Совсем другое чувство испытывал к краю не до конца «прощенный» императором вельможа, что не мешало ему, впрочем, ревностно исполнять свой долг, желая искоренения зла, и соответствовать высокому статусу государева посланника. Сибирь для него – «место для ссылочных, выгодное для некоторой части торговли, любопытное и богатое для минералогии. Но не место для жизни» [15. С. 12]. Как и Г.С. Батеньков, он признавал, что «частным человеком, может быть, и нашел бы здесь способ составить себе довольно сносный образ бытия; но никогда – начальником» [15. С. 27]. И все-таки «Провидению» было угодно, чтобы именно он «осушил здесь много слез, утешил негодований, пресек вопиющих насилий», чтобы вместе с Г.С. Батеньковым он ввел здесь «порядок управления, местному положению свойственный», кото-

рый один может упрочить добро на долгое время» [3. С. 207]. И тем самым «открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях», став «вторым Ермаком».

В 1819 г. обстоятельства времени и места совпали. Сошлись в одной точке равновеликие векторы, которые обусловили известные преобразования: полномочия и правовой опыт М.М. Сперанского; знание сибирских условий и аналитические способности Г.С. Батенькова; наконец, искреннее желание того и другого добиться добрых перемен. Причем перемен по возможности кардинальных, но растянутых по времени, не сиюминутных. Их «проект реформирования Сибири представлял более шаг к постепенному образованию сибирского управления, нежели внезапную перемену» [3. С. 230]. Им важно было «ввести новое, не разрушая старого», чтобы семена благих «приуготовлений» легли на хорошо подготовленную почву (что многие, кстати говоря, расценили как нерешительность). Вопрос «как это сделать?» приобретал первостепенное значение, и здесь нужно подчеркнуть, что оба реформатора обнаружили не только близкое понимание задач, но и сходное представление о методах переустройства с помощью «добрых» законов.

Чтобы человек жил в гармонии с миром, рассуждал М.М. Сперанский, ему следует быть в ладу с самим собой, в союзе с другими и с Богом. А такое положение обеспечивают лишь «нравственные законы», каковые основаны на правде и позволяют «утвердить между людьми нравственный порядок» [16. С. 23]. Г.С. Батеньков в своих работах «Мысли о своде законов», «Опыт теории правительственных учреждений» и некоторых других исходит, в принципе, из тех же посылов. Потому-то в его трудах «можно обнаружить идентичность со многими положениями проектов М.М. Сперанского» [17. С. 40]. В понятие добрых, «нравственных» законов оба мыслителя вкладывали сходный смысл: оно приобретало универсальное значение, распространялось на все сферы жизни. «Нравственные законы, – убеждал сановный законодатель, – есть внутренние и внешние. Первые объемлют вообще все движение воли; вторые относятся прямо к общежитию» [16. С. 23]. А правда, на которой держится «нравственный порядок», существует внутренняя (религия) и внешняя (законодательство). Причем первая, которую М.М. Сперанский понимал еще как «суд совести», для него несравнимо выше по значимости. Но и у Г.С. Батенькова «высокий дар власти» только тогда соответствует «прирожденным, существенным свойствам души», когда развивается под покровом «божьего храма» [18. С. 102] или, другими словами, соответствует «внутренней правде». Вся его переписка десятилетнего периода томской ссылки проникнута убеждением в высоком смысле «суда совести», который оказывается несравнимо важнее правосудия «общежительного».

Отсюда следует, что создать «добрый» закон и быстрее и проще, чем переделать людей, чтобы они руководствовались добрым началом, жили в согласии с «внутренней правдой». Сами законы, полагал М.М. Сперанский, не всегда так плохи, как исполнители. А много переживший и передумавший Г.С. Батеньков на склоне лет признавал, что «учреждения наши достаточны и разумны. Они нуждаются только в нас, в нашей любви и энергии, в наших силах правды и честности и даже в материальных средствах» [18. С. 110]. К этой мысли он пришел не потому, что был «доволен существующими

порядками» и не желал перемен, как полагал С.Н. Чернов, опубликовавший «припоминания» декабриста. Мысль о несоответствии между разумными, «добрыми» законами и готовностью их исполнять «в силах правды» стала следствием того, что Г.С. Батеньков наблюдал в Сибири спустя четверть века после принятия его законоположений. Хорошо продуманные законы, соответствующие лучшим зарубежным образцам и даже превосходящие их по глубине (как Устав об управлении инородцами), не раскрыли того потенциала, который в себе несли. И это породило, с одной стороны, видимые переживания авторов сибирской реформы, а с другой стороны, вызвало недовольство реформаторскими шагами даже у таких серьезных исследователей, как Н.М. Ядринцев. Он считает, что «замечательно доброжелательные по духу» уставы, «несмотря на благие желания» их создателей все-таки действуют не в полной мере. Смысл нововведений остался сибиряками непонятным, старый порядок нарушался, а новый, по его мнению, не спешил появиться. Но говоря так, запальчивый критик признавал и губительную силу «испорченных нравов» сибиряков, и «фатально» неразумную, закостенелую административную систему в Сибири, не задаваясь при этом вопросом: а могли ли действовать «добрые», разумные законы в безнравственном, по сути, обществе? Конечно, «люди без добрых учреждений мало добра произвести могут», утверждал М.М. Сперанский, но и «учреждения без людей тщетны» [3. С. 207].

Так что делать, когда преобразования неизбежны, давно и остро созрели, а выполнить их не вполне удастся? Размышляя над этим, М.М. Сперанский приходит к мысли о «добром правителе», высоко ценит его роль в истории народа. Чувство без разума слепое, говорит умный законодатель, но и разум, который «напишет наилучшие законы, предусмотрит неудобства, ограничит силу властей», способен при «развращенном сердце» привести к безначалию и замешательству. Остается уповать на «хорошую», добрую власть и доброго, «истинного» правителя, который и разумен, и человечен [19. С. 9]. Если «образ мыслей настоящего времени в совершенной противоположности с образом правления», а нравы и порядок несоразмерны, следует нравы «подтянуть» до хороших законов. Сделать

это по силам лишь «доброму правителю», обладающему полнотой власти и действующему в рамках «добрых» законов. «По настоящему нашему положению, – писал Г.С. Батеньков, – все силы, все симпатии должно соединить и направить к поддержанию умного абсолютизма. Историческое наше сложение (и географическое) сделало это необходимым, тем более что всякую другую форму составить уже поздно, а окончательно... рано» [20. С. 339]. Почему поздно – понятно, из-за неудавшегося восстания 14 декабря, которое отбросило российское общество в его развитии далеко назад. А почему рано – тоже очевидно: сторонник последовательных, эволюционных шагов Г.С. Батеньков всегда сознавал, что «непродуманные действия и поспешность могут привести к тяжелым последствиям» [17. С. 45].

В этом смысле сподвижник М.М. Сперанского, причисленный к крылу конституционных монархистов, мыслит в том же ключе, что знаменитый творец либеральных реформ. Очарованные перспективами, которые открывали поначалу царствование Александра I, они сохранили веру в благие преобразования «доброго» властителя до конца дней. Однако не менее важно признать и другое. Наблюдая действительность, сознавая отсталость, а во многих случаях и неготовность народа принять «дарованные» реформы, тот и другой не переставали верить, по выражению М.В. Довнар-Запольского, «в лучшие способности человеческого духа». Это то, что роднит «учителя» и «ученика», едва ли не больше всего. Массонское понимание жизни, которая проходит в непрестанной борьбе добра и зла, предписывало помогать людям и поддерживать нуждающихся, вселяло надежду в силу добра, поворачивало лицом к свету – поиску истины и знаний. А истина, согласно христианскому учению, состояла в признании бесконечного совершенствования души, ее изначальной чистоты и близости к Творцу, или, по терминологии масонов, Великому Архитектору. Поэтому вера в «лучшие способности» человека для авторов сибирских реформ была и естественна, и необходима. Она толкала к системным и комплексным законодательным преобразованиям, способным пусть не сразу, со временем, «искоренить зло». Тогда как административные методы борьбы с «вековечным» сибирским злом, произволом и наживой показали полную несостоятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Русский архив, 1892. Ч. II.
2. Ядринцев Н.М. Сибирь как колония. СПб.: Изд-во Сибирякова, 1892.
3. Наказ Александра I генерал-губернатору М.М. Сперанскому // Корф М. Жизнь графа М.М. Сперанского. СПб.: Изд-во Императорской публ. Библиотеки, 1861. Т. I.
4. Вагин В. Исторические сведения о деятельности графа М.М. Сперанского в Сибири. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1872.
5. Письма Г.С. Батенькова. И.И. Пущина и Э.Г. Толля / Под общ. ред. Б.П. Козьмина. М.: Изд-во Вессоюзной библиотеки им. Ленина, 1936.
6. Барер И. Сперанский и его реформы // Исторический журнал. 1938. № 8.
7. Чернов С. Вступительные замечания к воспоминаниям Г.С. Батенькова // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов / Под ред. Ю.Г. Оксман. М.: Изд-во Вессоюзного общества политкаторжан, 1933. Т. II.
8. Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М.: Тип. Товарищества И.Д. Сытина, 1907.
9. Жидков В.С., Соколов К.Б. Десять веков российской ментальности: картина мира и власть. СПб.: АЛТЕЙЯ, 2001.
10. Дмитриев Ф.М. Сочинения. М.: Товарищество типографии Мамонтова, 1900. Т. II.
11. Соловьев О.Ф. Массонство. Словарь-справочник. М.: АГРАФ, 2001.
12. Пытин А.Н. Русское масонство: XVIII век и первая половина XIX века. Петроград: Огни, 1916.
13. Калашников И.Т. Записки иркутского жителя // Русская старина. 1905. Кн. 6.
14. Пытин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1908.
15. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне. М.: Тип. Грачева, 1869.
16. Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1845.
17. Овсиенко С.В. Из проектов Г.С. Батенькова по преобразованию государственного устройства // Вестник МГУ. Сер. 8. 2003. № 1.
18. Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов.
19. Довнар-Запольский М.В. Политические идеалы М.М. Сперанского. М.: Изд-во Товарищества И.Д. Сытина, 1905.
20. Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск: Восточно-Сибирское изд-во, 1989. Т. I.

Статья представлена кафедрой истории и документоведения исторического факультета Томского государственного университета, поступила в научную редакцию «Филология» 5 февраля 2004 г.